

Сотрудники самарского Росреестра возложили цветы к Памятнику бывшим малолетним узникам фашистских концлагерей

Росреестр

Управление Федеральной службы
государственной регистрации,
кадастра и картографии
по Самарской области

11.04.2024

Распятое детство

11 апреля 2024 года Молодежный совет Управления Росреестра по Самарской области возложил цветы к Памятнику бывшим малолетним узникам фашистских концлагерей в Парке Победы в Самаре, почтив память всех, кто не вернулся, отдав дань благодарности тем, кто выжил. Этот памятник подвигу матерей и тех, кто завоевал мир на Земле. За открытие этого памятника ратовала наша землячка Людмила Михайловна Голодяевская (Уютова), о которой мы хотим рассказать сегодня.

Людмила Михайловна Голодяевская - Людочка Уютова видела то, что не показывают даже в самых страшных фильмах. Выжила там, где погибали сотни тысяч, миллионы людей. Она родилась в концлагере. *"Я выжила, - говорила она, - чтобы рассказать о том, что нельзя забывать. Чтобы это никогда больше не повторилось!"*

Родители Люды - Наталья и Михаил Уютовы родом из Шигонского района Куйбышевской области. В 1941-м они оказались в Кретинге - в Литве. Кретинга была оккупирована в первые часы немецкого вторжения. Фашисты согнали всех пленных в "Оффлагер" и на глазах у женщин и детей расстреляли всех офицеров части. Коммунистов убивали вместе с семьями. Наталью вместе с другими пленными погнали в концлагерь Димитравас.

21 августа 1941 года у Натальи начались роды. В концлагере не было воды. Жарким летним днем на барачных нарах родилась Людочка Уютова. Довоенный узелок с детским приданым стал спасением для новорожденной.

Пеленки Наталья стирала прямо в грязной луже рядом с баракom, потом женщины обматывали их вокруг своего тела, чтобы как-то высушить. На следующий день после родов Наталью погнали на работу. Кроме Людочки в бараках оставалось немало младенцев. Днем их нянчили дети постарше. Маленькую Люду нянчила 10-летняя Майя Авершина. Когда взрослые женщины были на работе, она давала малышке сосать мякиш хлеба-эрзаца, завернутого в тряпочку. Другой еды у младенцев не было. Вскоре новорожденные стали погибать от голода и болезней.

В сентябре 41-го кормящие матери подняли бунт, требуя, чтобы в бараках оставляли несколько женщин для кормления малышей. В ответ на это фашисты согнали матерей с младенцами в полузатопленный карцер-бункер. Женщины, прижимая к сердцу детей, стояли без еды и питья в холодной воде, кишасей крысами, целые сутки.

Комендант лагеря был сражен мужеством пленных матерей и разрешил им по очереди оставаться в бараках, чтобы кормить грудничков. Сами матери и дети постарше ели баланду, сваренную из гнилой капусты, рапса и турнепса. На поверхности такого "бульона" плавали черви и насекомые.

Рядом с концлагерем Димитравас находился госпиталь, где лежали раненые немецкие летчики. Для их лечения у младенцев брали кровь. Людочка Уютова не избежала участи таких "доноров". У нее брали кровь из сосудов, расположенных на голове. От этого ее головка, еле державшаяся на тонкой шее, была покрыта гнойниками. У младенцев, чьи матери погибали, кровь выкачивали полностью, а тела выбрасывали в ров рядом с лагерем.

Зимой 1941-42-го женщин с детьми стали продавать литовцам-хуторянам в работники. Продали и Наталью Уютову вместе с малышкой. От домогательств мерзкого хозяина она убежала зимней ночью босиком, в одной рубашке, с ребенком на руках, но дальше их каторжная жизнь продолжилась.

Весной их посадили в вагон, который направлялся в Германию. Вагон для перевозки скота был набит людьми. Женщины ехали стоя, держа на руках детей. Любая попытка высунуть голову из душного вагона заканчивалась расстрелом. В пути многие умерли стоя. Выжившие, держа детей в оцепеневших руках, вместе с погибшими штабелями падали на перрон. Надзиратели били их плетью, но встать женщины не могли. Когда узники начали двигаться, их вновь погрузили на открытые платформы и повезли. Это была дорога в лагерь смерти Майданек. На руке у Натальи вытравили кислотой пятизначный номер с буквами "SU" - "политический" из Советского Союза.

Паек получали лишь работающие, поэтому у голодавшей Люды до трех лет не росли ногти, зубы и волосы. Работать заставляли сизмальства: с семи лет дети помогали на кухне, убирались в бараках, вывозили мусор. С 12-ти лет им давали работу наравне со взрослыми. За чистотой в лагере следили тщательно. За найденную вошь фашисты расстреливали. Если пленный заболел, его отправляли в лагерную больницу - "ревир", из которой никто не возвращался. Даже дети знали, что "ревир" - это смерть. Однажды, когда маму угнали на каторжные работы, трехлетняя Люда упала и проткнула глаз шипом, началось сильное кровотечение, но она не плакала, боясь попасть в "ревир". Дежурившая в бараке пленная чешка промыла и перебинтовала тряпицей больной глазик. Когда вернулась мама, Люда шепнула ей: "Мама, молчи, а то до "ревиру", а потом до газу!" - так дети называли крематорий. В Макиндорфе немецкие врачи испытывали на детях всевозможные препараты. Медики в белых халатах привозили детям конфеты. Однажды Людочка съела такой "гостинец" - у нее начались судороги. Это был страшный урок. После этого малышка научилась прятать конфету за щекой, а потом выплевывать ее. Детская хитрость спасла ее от гибели.

Были дни, когда женщин отправляли работать на фабрики, где из выделанной человеческой кожи заставляли шить перчатки, ридикюли и абажуры. Подростки плели канаты из пеньки и женских волос. После войны,

когда восьмилетняя Люда Уютова впервые увидела скорняка, выделывавшего шкурки, она упала в обморок. В ее подсознании на всю жизнь сохранились те жуткие образы.

Весной 1945 г. заключенных перестали кормить. Когда начиналась канонада советских "катюш", охранники прятались в укрытие, а пленные женщины сбивали затворы и бросались к амбару за мукой. За часы обстрела они успевали замесить тесто и испечь для детей сухие лепешки. Ночами малыши, как оголодавшие мышата, грызли их. После войны маленькая Люда, заслышав раскаты грома, начинала кричать: "Катюши! Сейчас пойдем муку воровать!"

В конце апреля 1945 г. среди узников прошел слух, что немцы взрывают концлагерь, затем танками стирают с лица земли следы своих зверств. Когда 30 апреля вдали от Макиндорфа вдруг показалась колонна танков, женщины стали прощаться друг с другом. Наталья Уютова плакала: неужели суждено погибнуть, пройдя муки ада! Но вдруг одна из женщин увидела, что на танках пылают красные звезды, она закричала: "Наши!"

Уютовых в родной Куйбышевской области встречали всем селом: женщины, старики и дети. При виде толпы Люда спросила маму: "Почему столько людей в поле, наверное, всех до газу?" А пятилетний двоюродный братишка подошел к ней и ласково протянул горсть алых вишен. Такого чуда Люда не видела еще никогда. Когда разрезали огромный каравай хлеба, маленькая Людочка причитала: "Мам, скажи, чтобы весь хлеб не резали, ведь целую же неделю жить!" Когда ей дали тарелку щей, Люда убирала в сторону гущу, опасаясь найти в бульоне насекомых. Мама успокаивала ее: "Кушай, здесь все чистое". А когда Людочке предложили конфеты, она спряталась за маму и шепнула: "Они думают, я - дурочка, чтоб есть конфеты?" До десяти лет она так и не притрагивалась к конфетам.

В конце 45-го Наталья Уютова уехала в Куйбышев устраиваться на работу, Людочка жила в деревне: то у бабушки Марьи, то у тетушки Агаши. Первое

время девочка не могла ходить: все суставы у нее были воспалены. Родные носили ее на руках. Со временем бабушка Марья, знавшая рецепты лечебных сборов, смогла выходить Людочку. В школе Люда поначалу вела себя, как дикий зверек. Даже внешне отличалась от всех: была самая маленькая и худенькая. Постепенно она оттаяла и расцвела. После окончания школы Люда поехала поступать в Московский университет на факультет журналистики. Конкурс был огромный. Она блестяще сдала экзамены и стала ждать результатов зачисления. Но пришел ответ из Куйбышевского КГБ, где ей разъяснили, что, пока жива ее мама, она не имеет права получать высшее образование.

Людмила Михайловна (в замужестве Голодяевская) закончила техническое училище по специальности чертежник-конструктор. Работала в “Росавтотрансе”. Выйдя на пенсию, вела общественную работу, была председателем городского отделения Самарской региональной организации бывших малолетних узников фашистских концлагерей. Со школьной скамьи она писала стихи - проникающие в самую душу: о детстве, о добре и зле, о любви. У Людмилы Михайловны выросли двое детей и двое внуков. Она дождалась, когда в Самаре около православного храма в парке 30-летия Победы установили памятник бывшим малолетним узникам фашистских концлагерей. В 2017 году Людмилы Михайловны не стало, но ее жизнь, стихи, ее общественная работа - напоминание всем нам, чтобы никогда не повторилось то, что пришлось пережить ей.